тельные слова автора: «... И оттоле устроися монастырь, нарицаемый Щилов.... Нецыи же глаголют: архиепископ заповеда сыну Щилову по 3-жды на год по сту литургий пети в три лета».

Рассказы этих «некиих» (иноков Щилова монастыря?) и послужили тем материалом, опираясь на который, автор повести и составил свою, книжную, версию благочестивой легенды о грешном «посаднике».

Между прочим, эта ссылка автора на «нецыих» может служить новым доказательством новгородского происхождения повести; только в Новгороде, вернее, в стенах Щилова монастыря могла возникнуть и передаваться из уст в уста легенда о Щиле, грешном строителе монастыря, и только там мог ее услышать автор повести.

Когда и при каких обстоятельствах возникла устная легенда о Щиле, о чем она рассказывала, как переработал ее автор повести — на все эти вопросы первостепенной важности, решение которых является наиболее сложной, но в то же время и наиболее интересной задачей нашего исследования — мы попытаемся ответить несколько ниже.

На очереди другой вопрос — идейное содержание повести.

Присмотримся к сюжету повести в ее первой редакции.

Щил, новгородский посадник, крупный финансист, занимающийся ростовщичеством, скопил благодаря этим операциям, значительное состояние. С приближением старости Щил решил «душа спасти», на свои капиталы воздвигнуть церковь и при ней монастырь во имя Покрова пресвятой богородицы. Однако, желанного примирения с богом и церковью Щилу достичь не удалось. Вышеуказанного мероприятия оказалось недостаточно, понадобился целый ряд чрезвычайных мер, направленных к спасению грешной души лихоимца. Об этом недвусмысленно заявил Щилу новгородский архиепископ в ответе на его просьбу об освящении церкви. Архиепископ — глава авторитетной организации, новгородской церкви, блюститель христианской идеологии, — не скрыл от Щила того обстоятельства, что самый факт сооружения церкви на «лихвенное собрание» является тяжким грехом. Чтобы выявить отношение своего небесного патрона к Щилову греху, архиепископ повелел Щилу «у здания своего в степе устроити гроб и исповедати вся своя тайны отцу своему духовному и, вздев срачицу и саван и вся яже суть подобна на погребание мертвым», лечь «в создании своем во гробе оном» и «надгробная отпѣти». Когда Щил выполнил это приказание, по окончании заупокойной литургии вдруг гроб с Щилом